

IV ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА И СВЕРЖЕНИЕ САМОДЕРЖАВИЯ В РОССИИ

(К ВОПРОСУ О ЗАГОВОРАХ БУРЖУАЗИИ И ЦАРИЗМА
НАКАНУНЕ РЕВОЛЮЦИИ)

Е. Д. Черменский

В современной буржуазной историографии, развивавшейся под влиянием эмигрантской, преимущественно кадетской литературы, встречаются две разные концепции о роли Государственной думы во второй русской революции. Одни авторы, в согласии с ранним Милюковым¹, склонны видеть центр общенациональной борьбы с царизмом в Государственной думе, которой Февральская революция 1917 г. якобы и была обязана своей победой. Составители трехтомного сборника документов «Временное правительство России» (издание Гуверовского института войны, революции и мира) Р. Браудер и А. Ф. Керенский утверждают, что русские буржуазные партии, предвидя неизбежный крах самодержавия, были главной и почти единственной силой, свергнувшей царизм. Путем искусственного подбора и прямой фальсификации документов составители пытаются создать у читателей впечатление, что якобы Временный комитет Государственной думы руководил силами, выступившими против царизма². Другие авторы, например, Чемберлин, также в согласии с Милюковым, но уже более поздним³, признают, что Дума стремилась спасти монархию и «меньше всего хотела неконтролируемого движения снизу» и что самодержавие свергла «толпа рабочих в поддевках и солдат в серых шинелях». Но «восставшие массы не могли создать ничего конкретного вместо старого порядка». Поэтому «попытки сформировать новое правительство неизбежно были связаны с Думой, которая... была единственной национальной ассамблеей, существовавшей во время революции»⁴.

Вопрос о расстановке борющихся сил в Февральской революции связан с темой о «двух заговорах», длительное время дебатированной в исторической литературе. Истоки ее восходят еще к первой мировой войне. Именно тогда буржуазная оппозиция выдвинула версию о том, что правящая клика нарочно вызывает «внутренние беспорядки» и ведет Россию к поражению, чтобы иметь законное основание для заключения

¹ «Вмешательство Государственной думы дало уличному и военному движению центр, дало ему знамя и лозунг и тем превратило восстание в революцию, которая кончилась свержением старого режима и династии» (П. Н. Милюков. История второй русской революции. Т. I. Противоречия революции. София. 1921, стр. 39).

² «The Russian Provisional Government, 1917». Documents. Ed. by R. Browder and A. Kerensky. Vol. I. Stanford. 1961.

³ Развив в первом варианте своей «Истории второй русской революции» миф о низложении монархии IV Думой, Милюков впоследствии признал, что революция совершилась не «прогрессивным» блоком и против его воли, но что она «победила с того момента, когда во главе ее стала не сила, а символ: законопослушная четвертая Дума» (П. Милюков. Россия на переломе. Т. I. Париж. 1927, стр. 28).

⁴ W. H. The Russian revolution 1917—1921. Vol. I. N. Y. 1935, pp. 73, 80.

сепаратного мира. Вместе с тем либералы всячески муссировали слухи о «близком дворцовом перевороте», явно желая напугать царя и заставить его пойти на соглашение с думским блоком. В свою очередь, черносотенцы подозревали либералов в разжигании недовольства в стране с целью вырвать власть из рук царского правительства.

В первые дни революции лидеры буржуазных партий продолжали распространять легенду об организации ими заговора против Николая II, реализовать который якобы помешала революция. Так, А. И. Гучков заявлял, что подготовка дворцового переворота к началу марта была завершена: «Группа твердых людей должна была собраться в Питере и на перегоне между Царским Селом и столицей проникнуть в царский поезд, арестовать царя и выслать его немедленно за границу. Согласие некоторых иностранных правительств было получено. Они знали, что царь собирался заключить с Германией сепаратный мир. К сожалению, революция предупредила нас»⁵. В таком же духе было выдержано интервью М. И. Терещенко. Он и его друзья сознавали, что если не взять на себя руководство дворцовым переворотом, то его сделают народные массы. Но «вещие думские сирены убеждали нас, — говорил он, — что час еще не настал... Прошел январь, половина февраля. Наконец мудрые слова искушенных политиков перестали нас убеждать, и тем условным языком, которым мы между собой сносились, ген. Крымов в первых числах марта был вызван в Петроград из Румынии, но оказалось поздно»⁶. Так «заговорщики» изображали дело в 1917 году.

Версия о «двух заговорах» получила «вторую жизнь» в лекциях М. Н. Покровского, прочитанных им в 1923—1924 гг. студентам «Свердловки». Известно, что М. Н. Покровский в своих ранних работах считал фоном всей русской истории XIX и начала XX в. борьбу двух капиталов — торгового и промышленного. «Последняя дуэль» их произошла во время войны 1914—1917 годов. По Покровскому, «в начале войны несомненно доминировал торговый капитал. Задача захвата проливов — это был эпизод борьбы России за торговые пути. Промышленный капитал в первые месяцы отнесся к войне довольно прохладно, но постепенно, по мере того, как война оказывалась великолепным рынком... по мере того, как, с другой стороны, прекращение всякого вывоза отнимало у торгового капитала всю прелесть войны... интересы торгового и промышленного капитала должны были переместиться». Разочаровавшись в войне, царизм («политически организованный торговый капитал», по терминологии М. Н. Покровского) решает разогнать Государственную думу и заключить сепаратный мир. В то же время промышленный капитал в лице «прогрессивного» блока нашел себе союзников среди высшего командного состава действующей армии. Последний был «руками формировавшегося заговора», а «мозгом его была кадетская партия... И вот, когда все уже с обеих сторон было готово — с одной стороны, готов был разгон Думы, а с другой стороны, должен был последовать арест Николая... как раз в это время произошел питерский взрыв, который был полнейшей неожиданностью для обеих сторон»⁷.

Впоследствии концепция о «двух заговорах», осуществлению которых помешала «мускулистая рука питерского пролетария», получила

⁵ А. И. Верховский. На трудном перевале. М. 1959, стр. 228.

⁶ «День», 2.IX.1917. По словам М. И. Терещенко, А. И. Крымов «оказался тем единственным генералом, который из великой любви к родине не побоялся вступить в ряды небольшой группы, решившейся во что бы то ни стало произвести государственный переворот». Но А. И. Гучков впоследствии отрицал участие Крымова в «заговоре». Слова же Терещенко он объяснял желанием создать вокруг незадачливого путчиста ореол «великого патриота» (см. С. Мельгунов. На путях к дворцовому перевороту. (Заговоры перед революцией 1917 года). Париж. 1931, стр. 150—151).

⁷ М. Н. Покровский. Очерки по истории революционного движения в России XIX и XX вв. М.-Л. 1927, стр. 172, 177, 179.

«третье рождение» в первом томе «Истории гражданской войны в СССР». Если у М. Н. Покровского главным в обоих «заговорах» был внешнеполитический аспект (за или против сепаратного мира), то здесь оба они рассматривались как «заговоры против революции». Выход из войны рисовался уже не как цель «заговора царизма», а как средство для того, чтобы «обрушиться против революции»⁸. Таким образом, главным в обоих «заговорах» становился внутрисполитический аспект. С тех пор эта версия неизменно повторялась в учебной и научно-популярной литературе.

Автор настоящей статьи некоторое время также разделял традиционную точку зрения на «заговор царизма», хотя и выступал против версии о «заговоре буржуазии»⁹. Ряд исследователей до сих пор пишет о наличии двух «заговоров».

И. И. Минц в первом томе своей книги «История Великого Октября» по-прежнему утверждает, что царизм вел тайные переговоры о сепаратном мире с Берлином и Веной, чтобы развязать себе руки для борьбы с революцией. Это чрезвычайно встревожило антантовских и русских империалистов, и лидеры «прогрессивного» блока, подталкиваемые иностранными послами, вступили на путь дворцового переворота. Но народная революция опередила оба заговора господствующих классов¹⁰.

В последнее время в поддержку тезиса о «двух заговорах» выступил В. Я. Лаверычев. По его мнению, в конце 1916 г. налицо имелись все условия, необходимые для дворцового переворота: оппозиционные выступления политически активных кругов буржуазии становились все более «боевыми» и «непримиримыми», был определен состав будущего Временного правительства и намечено воцарение цесаревича Алексея при регентстве великого князя Михаила Александровича, великий князь Николай Николаевич дал положительный ответ¹¹. Но столь категорическому утверждению диссонирует положение о том, что «менее всего мы знаем о военных силах заговорщиков». Автор ограничивается неопределенными замечаниями: переворот «предполагалось осуществить, опираясь на несколько отборных воинских частей», «гвардейское офицерство сочувствовало заговорщикам». При этом он ссылается на воспоминания одного из «активных организаторов дворцового переворота», А. И. Гучкова¹². Между тем эти воспоминания не дают никаких оснований для подобных выводов. Напротив, Гучков признает, что практически для реализации «заговора» ничего не было сделано и вся «подготовка» свелась к разработке всевозможных, порой фантастических вариантов переворота. В конце концов остановились на «железнодорожном» плане: решено было захватить царский поезд на пути между Петроградом и Могилевом, где находилась Ставка. С помощью наперсника Гучкова князя Д. Н. Вяземского была произведена разведка среди офицеров гвардейских кавалерийских частей, дислоцированных вдоль пути следования царского поезда. К делу удалось привлечь лишь одного рот-

⁸ «История гражданской войны в СССР». Т. 1. М.-Л. 1936, стр. 55.

⁹ См. «Исторический журнал», 1941, № 3, стр. 42. В докладе на научной сессии по истории первой мировой войны в ноябре 1964 г. (Е. Д. Черменский. К вопросу о кризисе «верхов» в России накануне Февральской революции 1917 г. «Научная сессия по истории первой мировой войны». Секция III. М. 1964, стр. 157—158) и во втором издании своего курса лекций (Е. Д. Черменский. История СССР. Период империализма. Издание второе, переработанное и дополненное. М. 1965, стр. 524) автор указал на наличие колебаний в правящих сферах не только в отношении Государственной думы, но и в вопросе о сепаратном мире; на научной сессии, посвященной 50-летию Февральской революции в России, он выступил против версии о «заговоре царизма».

¹⁰ И. И. Минц. История Великого Октября. Т. 1. Свержение самодержавия. М. 1967, стр. 456—465.

¹¹ В. Я. Лаверычев. По ту сторону баррикад. (Из истории борьбы московской буржуазии с революцией). М. 1967, стр. 162.

¹² Там же, стр. 157, 159.

мистра, который, в свою очередь, завербовал нескольких младших офицеров. Со стороны же высшего командного состава «заговорщики» встречали атмосферу сочувствия, но отказ от прямого ответственного участия в деле¹³.

Среди участников «заговора» не было единодушия. «Заговорщики» все время колебались из-за опасения, что насильственное отречение Николая II может стать сигналом к выступлению «улицы». Боязнь народа сковывала их действия. Как вспоминал впоследствии участник событий кадет Изюмов, «было скорее настроение делать переворот, были разговоры, но решимости ни у кого не было. Заговорщический центр — скорее салонная болтовня, людям казалось, что они стоят в центре, а революцию просмотрели»¹⁴. По словам М. В. Родзянко, «заговорщики» только грозили за спиной царя переворотом, но никакой подготовки не вели¹⁵. Приблизительно такую же оценку «заговору» дали П. Н. Миллюков, А. Ф. Керенский, В. М. Чернов, П. А. Бурышкин¹⁶. Многие буржуазные лидеры не только считали дворцовый переворот «преждевременным», как пишет Лаверычев¹⁷, но начисто отвергали идею такого акта. Родзянко решительно высказывался против переворота, так как, по его убеждению, эта «авантюра» приведет к «смуте»¹⁸. Б. А. Энгельгардт считал, что «менять во время бури капитана, хотя и негодного, опасно»¹⁹. Один из вождей кадетской партии, князь Пав. Д. Долгоруков, находил, что дворцовый переворот «не только не желателен, а скорее гибелен для России, так как среди дома Романовых нет ни одного, кто мог бы заменить нашего государя»²⁰. А. И. Деникин упоминает о посещении в конце 1916 г. лечившегося в Севастополе генерала М. В. Алексева представителями некоторых думских и общественных кругов, которые совершенно откровенно заявили, что назревает переворот. Как отнесется к этому страна, они знают, но какое впечатление произведет переворот на фронте, учесть не могут. Просили совета. Алексей в самой категорической форме указал на недопустимость каких бы то ни было потрясений во время войны, на смертельную угрозу фронту, который и так не слишком прочно держится, и просил во имя сохранения армии не делать этого шага. Представители уехали, обещав принять меры к предотвращению готовившегося переворота²¹.

Формула «заговор буржуазии» игнорирует неодолимое тяготение оппозиционной буржуазии к соглашению с самодержавием. Это объяснялось тем, что она больше боялась революции, чем реакции. Страх перед революцией, крайняя «народобоязнь» определяли политическое поведение русской буржуазии. Она лавировала между самодержавием и демократией, предавая вторую и угодничая и капитулируя перед первым. Этим либеральная буржуазия оттолкнула от себя массы. В результате она оказалась, по определению В. И. Ленина, нейтрализованной борьбой революции и контрреволюции, бессильной и бесплодной, не способной решать исторически назревшие задачи коренного преобразования страны²².

¹³ «Последние новости», 9 и 13.IX.1936.

¹⁴ ЦГАОР СССР, ф. 5962, оп. 1, д. 4, л. 13.

¹⁵ См. М. В. Родзянко. Крушение империи. Л. 1927, стр. 211.

¹⁶ П. Н. Миллюков. Россия на переломе. Т. 1, стр. 27—28; «Дни», 8.V. 1932; В. Чернов. Рождение революционной России (Февральская революция). Париж — Прага — Нью-Йорк. 1934, стр. 181; П. А. Бурышкин. Москва купеческая. Нью-Йорк. 1954, стр. 316—317.

¹⁷ В. Я. Лаверычев. Указ. соч., стр. 163.

¹⁸ М. В. Родзянко. Указ. соч., стр. 209.

¹⁹ ГБЛ, ОР, ф. 218, п. 306, стр. 726.

²⁰ «Буржуазия накануне Февральской революции». Сборник документов. М.-Л. 1927, стр. 164.

²¹ А. И. Деникин. Очерки русской смуты. Т. I, вып. I. Париж. 1921, стр. 37.

²² См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 21, стр. 371; т. 22, стр. 118; т. 23, стр. 78.

В. И. Ленин неоднократно разъяснял, почему русская буржуазия боялась даже «думать об организации *своего* класса в государственную силу»²³. В полемике с «веховцем» А. С. Изгоевым, считавшим, что «малопадающего класса стремится занять другой класс», В. И. Ленин писал: «Не всегда, г. Изгоев. Бывает так, что оба класса, и падающий и «стремящийся», изрядно уже прогнили...». Чувствуя эту свою гнилость, либеральная буржуазия боится занять место падающего класса, а все усилия направляет на то, чтобы «только не доводить падающего до «падения»²⁴.

Некоторые историки склонны думать, что вывод В. И. Ленина о «властebоязни» русской буржуазии неприменим к периоду первой мировой войны, когда буржуазно-помещичьи фракции Государственной думы образовали «прогрессивный» блок. Так, В. С. Дякин видит в требовании блока создать «правительство, пользующееся доверием страны», стремление буржуазии к захвату власти²⁵. Действительно, еще до образования блока лидер думской фракции прогрессистов И. Н. Ефремов, считая, что при существовавшем тогда составе правительства «нельзя говорить не только о победе, но и о длительном спокойствии», предлагал добиться путем петиции царю ухода И. Л. Горемыкина и образования ответственного министерства из среды общественных деятелей²⁶. Но это предложение не получило поддержки со стороны представителей других фракций, причем наибольшее противодействие оно встретило у кадетов. По их мнению, общественные деятели не были подготовлены руководить политикой государства в условиях общего развала, вызванного прежним управлением. «Популярность общественных деятелей потухнет в министерстве и очень сильна в Государственной думе», — говорил Н. А. Маклаков. Он высказался за «министерство доверия», разумея под этим включение в правительство нескольких бюрократов, которые «не имели бы на себе клейма недоверия», оставив при этом тех, кто еще сохранил доверие, например, С. Д. Сазонова и А. А. Поливанова²⁷.

Правда, в думских кулуарах и в либеральных кружках циркулировали списки лиц, намечаемых в состав кабинета «общественного доверия», причем в качестве премьер-министра фигурировали Родзянко, князь Львов и Гучков. Но сами лидеры буржуазных партий не принимали эти кандидатуры всерьез. Националист граф В. В. Мусин-Пушкин 18 августа 1915 г. писал главе либеральных бюрократов А. В. Кривошеину: «Дума смеется над возможностью министерства Родзянки, не говоря уже о кн. Львове, хотели одно время Гучкова, но теперь только и хотят и говорят о Вас. В последнем совещании²⁸ Родзянко резюмировал прения так: мы стосковались о власти. Милюков сказал: мы власти теперь не ищем... нужно только переменить главу правительства на умного бюрократа. Шингарев: дайте нам только живого человека, и мы, не отождествляя себя с правительством, пойдем с ним. Маклаков: и будем его поддерживать. Ефремов подтвердил то же»²⁹. Таким образом, «прогрессивный» блок предпочитал оставить власть в руках царской бюрократии.

²³ В. И. Ленин. ПСС. Т. 25, стр. 139; см. также т. 20, стр. 147—156.

²⁴ В. И. Ленин. ПСС. Т. 20, стр. 154.

²⁵ В. С. Дякин. Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны (1914—1917). Л. 1967, стр. 97.

²⁶ Н. Лапин. Прогрессивный блок в 1915—1917 гг. «Красный архив». 1932, № 1—2 (50—51), стр. 125.

²⁷ Там же, стр. 126.

²⁸ 17 августа программа блока обсуждалась в совете старейшин. Против нее высказались только крайние правые и большинство националистов (ЦГАОР СССР, ф. 102, 00, д. 307А, л. 144).

²⁹ ЦГИА СССР, ф. 1571, оп. 1, д. 290, л. 13.

Но, быть может, по мере углубления кризиса «верхов» менялась и позиция думского блока? Нет, заметного сдвига в этом направлении не произошло даже после нашумевших оппозиционных речей в Государственной думе 1 ноября 1916 года. По агентурным данным Московской охранки, собрание кадетской группы 9 ноября «ясно показало всю растерянность, беспомощность в искании выхода... Никто из кадет не верит, что правительство полностью удовлетворит требования прогрессивного блока, и для к.-д. в конце концов весь вопрос сводится к тому, кто заменит гофмейстера Штюрмера. ...К.-д. в частных беседах проявляют большую склонность к компромиссам и детально разбираются в сравнительных достоинствах возможных преемников гофмейстера Штюрмера, как то: А. Ф. Трепова, А. В. Кривошеина, адмирала И. К. Григоровича. Из всех этих кандидатов наиболее приемлем для них Кривошеин. О возможности «общественного» кабинета кадеты говорят лишь в официальных своих заявлениях, при интимном же обсуждении вопроса выясняется, что они примирятся и с частичным обновлением кабинета хотя бы менее реакционно настроенными представителями бюрократического мира. Требование «общественного» кабинета есть требование «с запросом», основная цель которого свалить хотя бы одного Штюрмера»³⁰. И действительно, после отставки Штюрмера и назначения премьером А. Ф. Трепова, принадлежавшего к той же правой группе Государственного совета, откуда вышел и Штюрмер, блокеры выразили готовность приступить если не к совместной, то, во всяком случае, «параллельной» работе с правительством. Они решительно отказались от мысли о парламентском бойкоте кабинета Трепова. Когда же фракции меньшевиков и трудовиков устроили obstruction при появлении 19 ноября на думской кафедре Трепова с правительственной декларацией, они были исключены на 8 заседаний. Из декларации выяснилось, что с уходом Штюрмера правительственный курс остается без перемен, ни на какие уступки «прогрессивному» блоку новый председатель совета министров не пойдет. Тем не менее Государственная дума отвергла формулу прогрессистов, в которой выражалось недоверие правительству и требование о создании ответственного министерства из состава думского большинства. Она решила занять выжидательную позицию в надежде, что Трепову удастся удалить из своего кабинета Протопопова и других распутинцев³¹.

В советской литературе встречаются противоречивые взгляды на эволюцию и судьбу третьеиюньской политической системы. По мнению М. Я. Гефтера, третьеиюньский черносотенно-буржуазный блок в годы войны «перерос в широкое объединение ведущих групп и партий крупного капитала с влиятельными право-помещичьими кругами, генералитетом на общей платформе предотвращения революции и удержания основ полукрепостнического строя путем ограниченных верхушечных реформ и персональных перестановок»³². А. Я. Аврех же считает, что в результате образования «прогрессивного» блока «третьеиюньский блок распался»³³ и это «означало конец двух большинств в Государственной думе, полный крах политики бонапартизма»³⁴. Но вопреки утверждению М. Я. Гефтера из «право-помещичьих кругов» в «прогрессивный» блок вошли только часть националистов и группа центра. Большинство же националистов во главе с П. Н. Балашевым, а также правые группы в Государственной думе (лидеры Г. Г. Замысловский и Н. Е. Марков) и в Государственном совете (лидеры П. Н. Дурново и Д. Е. Нейгардт)

³⁰ ЦГАОР СССР, ф. 97, оп. 4, д. 92, лл. 373—374.

³¹ См. «Стенографический отчет. Государственная дума. Четвертый созыв, сессия V». Птгр. 1917, стб. 412.

³² «Советская историческая энциклопедия». Т. 5, стр. 820.

³³ «История СССР». Т. 2. М. 1959, стр. 644.

³⁴ «Советская историческая энциклопедия». Т. 4, стр. 619.

в противовес «прогрессивному» блоку пытались создать «черный блок»³⁵. В то же время нельзя согласиться и с А. Я. Аврехом, который видит в думском блоке объединение только буржуазных партий и групп.

В основе «прогрессивного» блока лежал компромисс между полуфеодалными, умеренно-правыми (прогрессивные националисты и группа центра) и буржуазными (октябристы, кадеты и прогрессисты) элементами третьеиюньской системы с равнением на самые умеренные — фракцию националистов. Единственное, что привело на время к политической консолидации различные думские фракции, была «тревожность момента», неотступный страх перед революцией. При выработке программы кадеты и прогрессисты в угоду более правым участникам блока решили не упоминать в ней о социальных реформах и вместо ответственного перед законодательными установлениями правительства требовать «министерства, облеченного доверием страны», которое состояло бы из «приличных» бюрократов и отвечало бы только перед монархом. Равняясь на националистов, кадеты и прогрессисты сняли также свои программные лозунги о свободе союзов и печати. Декларация блока предусматривала восстановление профессиональных обществ и демократической печати на основе реакционных «Временных правил» 4 марта и 26 апреля 1906 года. Программа блока была изложена нарочито в самых общих выражениях, допускавших любое толкование: не отмена ограничительных законов для евреев, а только «вступление на путь отмены ограничений», не восстановление финляндской конституции, а лишь первые шаги в этом направлении и т. д. Во время встречи 27 августа 1915 г. министры попросили представителей блока объяснить, как они понимают содержащееся в пункте 4-м программы требование о «пересмотре узаконений о польском землевладении» (Милюков разумел под «пересмотром» снятие ограничений, а В. Н. Львов (группа центра) — их закрепление и, может быть, даже усиление)³⁶.

Внутри парламентского блока, несмотря на увеличение удельного веса буржуазных элементов, сохранились, по сути дела, те же противоречия, что существовали и раньше в третьеиюньском блоке. Не удивительно поэтому, что решения Думы по самым актуальным вопросам политической жизни страны (крестьянский, рабочий, национальный, продовольственный) принимались по-прежнему правооктябристским или октябристско-кадетским большинством. Серьезные разногласия возникли внутри «прогрессивного» блока при обсуждении законопроекта об отмене некоторых ограничений в правах крестьян. Судебная комиссия высказалась за отмену статьи 62-й Положения о выборах, не допускавшей лиц, принадлежавших к крестьянскому сословию, к выборам по землевладельческой курии, хотя бы они и владели надлежащим цензом. Но на заседании Государственной думы против отмены этой статьи вместе с черносотенцами голосовали также группа центра, часть прогрессивных националистов и земцев-октябристов, в том числе Родзянко, не желавшие никаких изменений в третьеиюньском избирательном законе³⁷.

Не оказалось единодушия внутри блока и при обсуждении в Государственной думе законопроекта о мобилизации промышленных предприятий. В то время как земцы-октябристы находили этот проект «в принципе вполне приемлемым», прогрессисты, напротив, полагали, что

³⁵ 11 августа 1915 г. у Дурново состоялось совещание правых и нейгардтовцев Государственного совета с крайними правыми и националистами Государственной думы. Участники совещания пришли к заключению, что только кабинет, состоящий исключительно из правых деятелей, способен был бы спасти страну от надвигающейся революции. Наиболее подходящей фигурой для проведения «твердой» политики был признан И. Г. Щегловитов. «Русское слово», 12.VIII.1915.

³⁶ А. Н. Яхонтов. Тяжелые дни. «Архив Русской революции». Т. XVIII. Берлин. 1926, стр. 119—120.

³⁷ «Стенографический отчет. Государственная дума. Четвертый созыв, сессия IV», стб. 5340.

он ничего, кроме еще большего раздражения и недовольства, в рабочую среду не внесет. «Подобная мера,— заявил на заседании комиссии по военным и морским делам 2 июля 1916 г. А. И. Коновалов,— была бы возможна и даже целесообразна в начале войны, но теперь она крайне опасна и представляется прыжком в неизвестность». С введением законопроекта в действие забастовки могут только усилиться. Парализовать это «гибельное явление» было бы возможно восстановлением профессиональных союзов рабочих³⁸. Полный разбой наблюдался в «прогрессивном» блоке и по продовольственному вопросу. На заседаниях бюджетной комиссии 14 и 18 октября 1916 г. Милуков был солидарен с министром земледелия А. А. Бобринским в отношении того, что необходимы известные ограничения товарообмена. В. В. Шульгин же считал введение таксы на хлеб «прыжком через пропасть». Его поддержал «независимый» М. А. Караулов, заметивший, что «твердые цены не выдержали своего испытания доселе, не выдержат его и впредь»³⁹.

Сами лидеры блока — Милуков, Шингарев, Ефремов и другие — признавали, что блок трещал по всем швам и «висел на волоске»⁴⁰. Острые разногласия привели к выходу из него и правых и левых. Группа центра Государственного совета в декабре 1915 г. заявила о своей непринадлежности к блоку⁴¹. Перед открытием пятой сессии Думы 1 ноября 1916 г. из блока вышла фракция прогрессистов, недовольная отказом включить в декларацию блока лозунг «ответственное министерство». Развал блока был следствием полной изоляции его в стране. Отсутствие в блоквистской программе требований демократии — политические свободы, национальное равноправие, 8-часовой рабочий день, увеличение крестьянского землевладения — обрекало на неудачу все попытки блока найти общий язык с массами.

Еще во время переговоров о создании парламентского блока московские кадеты при посредничестве «внепартийных социалистов» С. Н. Прокоповича и Е. Д. Кусковой хотели выяснить, может ли либеральная оппозиция найти поддержку среди демократических сил. По агентурным данным Московской охраны, «ответ демократии, видимо, был неприятен кадетам... Рабочие и демократические слои населения не желают подставлять свои спины г. г. Рябушинским, чтобы те по ним добрались бы до власти»⁴². Еще более прямолинейно о враждебности «низов» к буржуазной общественности говорил на совещании «прогрессивного» блока 25 ноября 1915 г. «левый» кадет Н. И. Астров: «Мы остались наверху,— а почва уходит, и мы все это чувствуем. Слои внизу испытывают к нам ненависть и раздражение»⁴³. Тактика думского блока резко расходилась даже с настроением профессиональной интеллигенции, находившейся раньше в значительной степени в сфере влияния либеральной буржуазии. Как видно из доклада Петроградской охраны, занятия Пироговского съезда врачей (15—18 апреля 1916 г.) «с первого же дня были отмечены крайним радикализмом и левизной», что, в частности, выразилось в отрицательном отношении к буржуазным цензовым общественным организациям⁴⁴.

Полнейшая оторванность «прогрессивного» блока от народа обесценивала значение Государственной думы как «сдерживающего центра», предупреждающего революционный взрыв. Именно учитывая отсутствие у блока даже видимости массовой опоры и разногласия в его рядах, Горемыкин считал попытки сговориться с буржуазной оппозицией бес-

³⁸ ЦГИА СССР, ф. 1278, оп. 5, д. 446, лл. 161, 165.

³⁹ Там же, д. 330, лл. 263, 412, 465, 508.

⁴⁰ «Буржуазия накануне Февральской революции», стр. 55.

⁴¹ «Ежегодник» газеты «Речь» на 1915 год, стр. 289.

⁴² ЦГАОР СССР, ф. 97, оп. 4, д. 28, часть II, лл. 23—24.

⁴³ Н. Лапин. Указ. соч., стр. 145.

⁴⁴ ЦГАОР СССР, ф. 97, оп. 4, д. 93, том II, л. 471.

смысленными. Он призывал своих коллег не поддаваться залугиваниям Милюкова, утверждавшего, что в случае роспуска Думы революционное движение усилится⁴⁵. По словам Горемыкина, «ставить рабочее движение в связь с роспуском Думы неправильно. Оно шло и будет идти независимо от бытия Государственной думы. Вопрос у рабочих вожakov в недостатке организации, разбитой арестом 5 членов Думы. Будем ли мы с блоком или без него — для рабочего движения это безразлично»⁴⁶.

Во время четвертой сессии Думы (9 февраля — 20 июня 1916 г.) «прогрессивному» блоку представлялась возможность претворить основные пункты своей программы в соответствующие законопроекты. Но если не считать законопроекта об отмене некоторых ограничений в правах крестьян (притом поставленного на обсуждение Думы не по инициативе блока), ни один из пунктов его программы не был воплощен в форму законопроекта. Сами блокисты признавали, что Дума в эту сессию занималась толчением воды в ступе. Такое положение вещей грозило полным упадком престижа Думы в стране. Особое недовольство вызывало то, что в борьбе с дороговизной жизни Дума ничего не сделала. Как доносил 20 октября 1916 г. в департамент полиции начальник Московской охраны, «на низах Государственную думу обвиняют... в сознательном нежелании прийти на помощь народным массам. В этом отношении резкие упреки посылаются не только октябристам, но и кадетам»⁴⁷. На заседании ЦК кадетской партии 1 октября в Москве указывалось, что «оппозиция перестала заниматься оппозицией» и в результате утратила всякий контакт с народом. «Блока мы в стране не замечаем никакими биноклями, — говорил Н. В. Тесленко. — У нас жестокая борьба с элементами, которые у вас в блоке. Болезнь пошла внутрь, потому что мы пренебрегли... подъемом в стране»⁴⁸. Чтобы не оказаться оттертыми совсем на задворки, надо было, по мнению «левых» кадетов, «поднять тон» в Государственной думе.

При обсуждении тактики на сессии Думы даже правое крыло блока признало, что теперь встреча со Штюмером немыслима. Земец-октябрист граф Д. П. Капнист заявил на совещании блока, что «для успокоения страны надо сломать шею правительству». Но вести борьбу с правительством думцы мыслили себе исключительно путем выражения вотума недоверия в Думе. Ефремов предупреждал, что в думских речах надо «соединить нападки с отсутствием революционных вызовов»⁴⁹. На открывшейся 1 ноября сессии Думы лидеры «прогрессивного» блока выступили с оппозиционными речами, в которых изобличали разложение и предательство правящих верхов. Наибольший успех выпал на долю Милюкова. Он заявил, что думское большинство потеряло веру в то, что эта власть приведет Россию к победе. Сославшись на широкое распространение слухов об измене, оратор продолжал: «Как вы будете опровергать возможность подобных подозрений, когда кучка темных личностей руководит в личных и низменных интересах важнейшими государственными делами». Прочитав затем сочувственные отклики немецких газет по поводу назначения Штюмера министром иностранных дел, Милюков заметил, что хотя у него и нет данных об измене Штюмера, но это инстинктивный голос всей страны. Самым «сильным» местом в речи Милюкова было обвинение «придворной партии», группирующейся вокруг Александры Федоровны и втайне готовящей сепаратный мир с

⁴⁵ В заседании Думы 25 августа 1915 г. Милюков цитировал письма (едва ли не вымышленные) «крестьян, рабочих, офицеров, солдат», в которых говорилось, что роспуска Думы они «не потерпят». Стенографический отчет. Государственная дума. Четвертый созыв, сессия IV», стб. 58.

⁴⁶ «Архив Русской революции». Т. XVIII, стр. 106—108.

⁴⁷ ЦГАОР СССР, ф. 102, 00, д. 167, ч. 46, л. 75.

⁴⁸ Там же, ф. 579, оп. 1, д. 698, л. 5.

⁴⁹ «Красный архив», 1933, № 1 (56), стр. 87, 90.

Германией. Вместе с тем Милюков утверждал, что власти намеренно вызывают народные волнения, зная, что это может служить мотивом для прекращения войны⁵⁰. Следующий оратор блока — Шульгин варьировал одну и ту же мысль: борьба Думы с правительством есть единственное средство предотвратить революцию. По его словам, армия, крестьяне, рабочие будут спокойнее, зная, что Дума «борется» с правительством. На вопрос, как Дума может бороться, Шульгин отвечал: «Тем, что говорит правду, как она есть» (Голос слева: «В четырех стенах»)⁵¹.

Речи Милюкова, Шульгина, Маклакова, Чхеидзе, Керенского не были разрешены к опубликованию военной цензурой; выступления других депутатов и даже Родзянко появились в газетах с белыми пятнами. Но это только усилило их резонанс. Корреспондент заграничного органа большевистской партии писал из Петрограда: «Думские речи, не допущенные к печати, вызывают громадный интерес. Они переписываются везде и всеми. Во всех учреждениях машинистки пишут речи Милюкова, Маклакова, они распространяются десятками тысяч»⁵². В Казани, доносил начальник жандармского управления 8 января 1917 г. в департамент полиции, распространялись по рукам гектографированные речи Милюкова и других депутатов. Их можно было найти и в частных домах и в студенческой читальне. В Пскове тексты думских речей продавались по рублю за экземпляр, собранные деньги шли на нужды Красного Креста⁵³.

Если, по данным военной цензуры, в письмах из действующей армии в период сентября — октября 1916 г. о Государственной думе не упоминалось, то после заседания 1 ноября положение изменилось. Так, старший военный цензор Московского военного округа отмечал, что письма из действующей армии во второй половине ноября «фиксируют на себе внимание цензуры, главным образом, отзывами о Государственной думе... Не разрешенные к воспроизведению в печати речи некоторых депутатов, судя по письмам, проникли в армию в большом количестве экземпляров и восприняты там с большим интересом... Много протестующих отзывов по поводу белых мест в газетах». В следующем обзоре писем (12 декабря 1916 г.) тот же цензор указывал, что «пресбладающая тема всех писем, идущих из действующей армии, все еще Государственная Дума и выступления отдельных депутатов»⁵⁴. Думские речи нашли живой отклик и среди «нижних чинов». В одном письме говорилось: «А до чего нас, солдат, интересует Дума, что после адского труда усталые с жадностью все читают добытую газету и сон не идет на ум. Как же не интересоваться, ведь Дума открыла всем глаза»⁵⁵.

Чем же объяснить интерес к буржуазно-помещичьей Думе? Как могло случиться, что речи Милюкова, Чхеидзе и других «героев» 1 ноября с их нескрываемым страхом перед революционными выступлениями и призывами к спокойствию приобрели широкую популярность? В. И. Ленин характеризовал конфликты между черносотенными помещиками и либеральной буржуазией как «мелкие раздоры»⁵⁶. Но отсюда не следует, что буржуазия составляла вместе с помещиками-полукрепостниками одну реакционную массу, что столкновения первой со вторыми не играли никакой роли в политике, что они не могли дать повод к демократическому движению, что эти конфликты можно было игнорировать. «Опыт русской революции, как и опыт других стран,— писал В. И. Ленин,—

⁵⁰ «Стенографический отчет. Государственная дума. Четвертый созыв, сессия V», стб. 36, 38, 44, 45, 47.

⁵¹ Там же, стб. 69.

⁵² «Социал-демократ», 30.XII.1916.

⁵³ ЦГАОР СССР, ф. 97, оп. 4, д. 61, л. 123; л. 114, л. 23.

⁵⁴ ЦГВИА СССР, ф. 13835, оп. 1, д. 79, лл. 88, 100.

⁵⁵ Там же, л. 101.

⁵⁶ См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 21, стр. 86.

неопровержимо свидетельствует, что когда есть налицо объективные условия глубокого политического кризиса, то самые мелкие и наиболее, казалось бы, удаленные от настоящего очага революции конфликты могут иметь самое серьезное значение, как повод, как переполняющая чашу капля, как начало поворота в настроении и т. д.»⁵⁷.

Конфликты либеральной буржуазии с царизмом и черносотенными помещиками приобрели особое значение в 1915—1916 гг., когда Россия быстро шла к новой революции. Разумеется, думские речи 1 ноября вовсе не были «штурмовым сигналом к революции», о чем трубили буржуазные лидеры в 1917 г., когда им было выгодно по тактическим соображениям муссировать легенду о «заглавной» роли Думы во второй русской революции. Но несомненно также и то, что столкновения буржуазной оппозиции с правящей кликой были умело использованы большевиками в интересах политического просвещения демократических масс. «Социал-демократ» и подпольные большевистские организации в России печатали речи и письма лидеров буржуазных партий со своими комментариями. В «Социал-демократе» было опубликовано письмо Гучкова к генералу Алексееву. В примечании от редакции подчеркивалось, что самое интересное в письме вождя контрреволюционной буржуазии — это его признание, что революция идет⁵⁸.

Успех думским речам приносило не столько их действительное содержание, сколько революционные вставки. Недаром вадетская газета «Русские ведомости» обратила внимание на то, что в рукописных списках речь Милюкова содержала много радикальной отсебятины и что после того, как ее было разрешено опубликовать, она вызвала разочарование⁵⁹. Иногда под видом думских речей распространялись революционные прокламации, не имевшие ничего общего с подлинными выступлениями депутатов. Против воли думских лидеров их речи, печатавшиеся с «исправлениями», содействовали росту недовольства в стране. Начальник Петроградской охраны доносил 19 ноября в департамент полиции: «Задержанные цензурой речи депутатов оппозиции и левого крыла Государственной думы распространились среди населения в искаженных случайно и умышленно редакциях с невероятной быстротой и еще более сгустили в различных слоях населения страны атмосферу беспоконья и подозрительного недовольства по отношению к правительству»⁶⁰.

Таким образом, объективно Государственная дума, избранная на основе реакционного закона, гарантировавшего большинство представителям крупного землевладения и капитала, стала одним из факторов, ускоривших победу революции в России.

Нуждается в пересмотре и тезис о «заговоре царизма». Правительство Николая II в канун революции проявляло, по определению В. И. Ленина, полнейшую «беспомощность», «дикую растерянность», «полную потерю головы»⁶¹. Но отсутствие во внутривластном курсе целенаправленности и решительности, по нашему мнению, не дает оснований характеризовать его как «заговор царизма».

В. С. Дякин объясняет колебания правящих кругов между реакционной диктатурой и примирением с буржуазной «общественностью» недооценкой ими остроты революционного кризиса: Николай II и его окружение полагали, что «положение не так трагично и все устроится»⁶². Нам, напротив, кажется, что царь не решался править железной рукой, без Государственной думы из-за страха перед надвигавшейся революцией. По словам Протопопова, царь в беседах с ним высказывал «сомне-

⁵⁷ В. И. Ленин. ПСС. Т. 17, стр. 280.

⁵⁸ «Социал-демократ», 30.XII.1916.

⁵⁹ «Русские ведомости», 8.XII.1916.

⁶⁰ ЦГАОР СССР, ф. 97, оп. 4, д. 93, т. I, лл. 332—333.

⁶¹ См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 37, стр. 152.

⁶² В. С. Дякин. Указ. соч., стр. 287.

ние насчет крайней правой политики, вместит или не вместит ее страна»⁶³. В отличие от своей суеверно-экзальтированной жены Николай II вряд ли видел доказательство народной любви в инсценированной Протопоповым посылке «всеподданнейших» телеграмм от полумифических черносотенных союзов, которые должны были изображать «голос земли». Недаром он отсоветовал Александре Федоровне принять председателя черносотенного «Сына русского народа» А. И. Дубровина⁶⁴, а сам 29 января 1917 г. имел беседу с А. А. Клоповым, уговаривавшим царя назначить ответственное министерство во главе с кн. Г. Е. Львовым⁶⁵.

О решимости Николая II избрать путь реакционной диктатуры обычно судят на основании его повеления Н. А. Маклакову написать проект манифеста о роспуске Государственной думы. Текст проекта, который Маклаков 11 или 12 февраля отвез в Царское село, известен только в его пересказе на допросе в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. По словам Маклакова, «даже разговора не было о каком-нибудь изменении положения Думы». Она просто распускалась с назначением новых выборов на 15 ноября 1917 года. Распустив оппозиционную Думу и получив отсрочку на полгода, объединенное однородное правительство с успехом окончило бы войну, а это вызвало бы такой «общий подъем и радость», которые облегчили бы восстановление государственного порядка⁶⁶. Но царь продолжал колебаться. По-видимому, он не так уж был уверен в том, что «сила за ним, и надо всю страну сжать в кулак», — как писала А. Н. Родзянко 12 февраля 1917 г. З. В. Юсуповой⁶⁷. Оставляя у себя проект манифеста, Николай II сказал Маклакову, «что это на всякий случай, что он еще не знает, как поступить, и что вообще вопрос требует обсуждения со всех сторон»⁶⁸. Протопопов недалек от истины, объясняя колебания царя тем, что «положение страны требовало опоры на Думу»⁶⁹. Да и сам Протопопов после доклада П. Г. Курлова о неблагополучии в Петроградском гарнизоне пришел к выводу, что о роспуске Думы не может быть и речи⁷⁰.

К тому же в ультраправых кругах не было согласия насчет путей «восстановления государственного порядка». Если в «Сводке общих положений и пожеланий», представленных А. А. Римским-Корсаковым Протопопову 15 января 1917 г. (равно как и в записке члена Государственного совета М. Я. Говорухо-Отрока, врученной Маклаковым царю 16 января 1917 г.), в качестве условия «жесткого» курса внутренней политики выдвигалось требование закрыть Думу и превратить ее в совещательное учреждение, то в более умеренной записке «православных русских кругов г. Киева и Киевской губернии», представленной царю И. Г. Щегловитовым приблизительно в это же время (единственной записке, которая была прочитана и одобрена царем), предлагалось только «поставить Государственную думу на указанное ей основными законами место»⁷¹.

⁶³ «Падение царского режима». Т. V. М.-Л. 1925, стр. 275.

⁶⁴ «Переписка Н. и А. Романовых». Т. V. М.-Л. 1927, стр. 201.

⁶⁵ ЦГИА СССР, ф. 1092, оп. 1, д. 15, л. 124.

⁶⁶ «Падение царского режима». Т. V, стр. 289.

⁶⁷ «Красный архив», 1926, № 14, стр. 245.

⁶⁸ «Падение царского режима». Т. I, стр. 208.

⁶⁹ «Падение царского режима». Т. IV. Л. 1926, стр. 25.

⁷⁰ Ген. П. Г. Курлов. Гибель императорской России. Берлин. 1923, стр. 207.

⁷¹ «Сводка общих положений и пожеланий» опубликована в «Красном архиве», 1927, № 1(20), стр. 242—244; записка Говорухо-Отрока впервые была напечатана в книге А. А. Блока «Последние дни императорской власти» (Пгтр. 1921) как записка, вышедшая из кружка Римского-Корсакова. Но о том, что она принадлежала Говорухо-Отроку, видно из показаний Н. А. Маклакова 21 июня 1917 г. («Падение царского режима». Т. V, стр. 286). Киевская записка была получена Щегловитовым от члена Государственной думы священника Митроцкого, примыкавшего по своим политическим убеждениям к фракции националистов («Красный архив», 1926, № 5 (18), стр. 207—210).

Еще меньше оснований имеет широко распространенная версия, что царизм хотел установить реакционную диктатуру, чтобы заключить сепаратный мир и тем развязать себе руки для расправы с «внутренним врагом», который, как писал Маклаков царю 9 февраля 1917 г., «давно становится и опаснее, и ожесточеннее, и наглее врага внешнего»⁷². Прежде всего надо пересмотреть представление о том, что в крайне правых кругах идея такой диктатуры ассоциировалась с желанием заключить сепаратный мир. Ни одна из «правых» записок, даже в завуалированной форме, не высказывалась за сепаратный мир. Наоборот, например, в «Сводке» Римского-Корсакова подчеркивалось, что водворение порядка необходимо для победоносного окончания войны: «Только при таком условии возможно, когда придет время, заключение выгодного и славного мира. При другой обстановке победа над врагом приведет к той же революции»⁷³.

Если, с точки зрения ультраправых, реакционная диктатура должна была быть введена безотлагательно, то Николай II, по всей вероятности, намеревался «взять поводья на себя» после победы, которая, по его расчетам, существенно укрепит власть и ослабит революционное настроение. В беседе с иркутским генерал-губернатором А. И. Пильцем 22 января 1917 г. царь сказал: «Я знаю, что положение очень тревожно; мне советовали распустить Государственную думу... Но я на это не могу пойти... В военном отношении, технически мы сильнее, чем когда-либо; скоро, весною, будет наступление, и я верю, что бог даст нам победу, а тогда изменятся и настроения»⁷⁴.

В конце 1916—начале 1917 г. в «верхах» воюющих государств действительно усилились настроения, которые В. И. Ленин определил как поворот от империалистической войны к империалистическому миру. С особой силой эти настроения проявлялись в лагере австро-германских империалистов, однако желание выйти из войны наблюдалось и в России. Но велись ли официальные и ответственные переговоры между Россией и центральными монархиями? С первого взгляда ответ на этот вопрос В. И. Ленина кажется ясным. Ведь первый же абзац его статьи «О сепаратном мире», опубликованной в «Социал-демократе» в ноябре 1916 г., гласит: «Между Россией и Германией ведутся уже переговоры о сепаратном мире. Эти переговоры официальные и в главном обе державы уже сталкивались». Но тут же В. И. Ленин указывает, что приведенное им сообщение взято из бернской социалистической газеты «на основании имеющихся у нее сведений». Этими словами он хотел подчеркнуть, что вопрос о достоверности данного сообщения он оставляет всецело на ответственности редакторов цитируемой им газеты. Более того, он допускает, что не исключена намеренная дезинформация общественного мнения со стороны воюющих держав. «Разумеется, одинаково возможен обман и со стороны России, которая не может признаться в ведении переговоров о сепаратном мире, и со стороны Германии, которая не может не попытаться рассорить Россию с Англией независимо от того, ведутся ли переговоры и насколько успешно»⁷⁵. Нам думается, что ариадниной нитью, при помощи которой можно было бы ориентироваться в лабиринте запутанных и противоречивых сведений о сепаратных переговорах о мире, могут служить следующие слова В. И. Ленина: «Чтобы разобраться в вопросе о сепаратном мире, мы должны исходить не из слухов и сообщений о том, что происходит теперь в

⁷² «Монархия перед крушением». 1914—1917. Бумаги Николая II и другие документы. М.-Л. 1927, стр. 98.

⁷³ «Красный архив», 1927, № 1 (20), стр. 243.

⁷⁴ См. Г. Е. Рейн. Из пережитого: 1907—1918. Т. II. Берлин (б/г.), стр. 161. План весеннего наступления русской армии обсуждался на совещании в Ставке 17—18 декабря 1916 г. (ЦГВИА СССР, ф. 2003, оп. 2, д. 1017, лл. 335—369).

⁷⁵ В. И. Ленин. ПСС. Т. 30, стр. 184.

Швейцарии и чего проверить по существу дела невозможно, а из непреодолимо установленных фактов политики за последние десятилетия»⁷⁶.

К сожалению, некоторые историки, видимо, не различают объективные тенденции, толкавшие царизм к поискам мира, и слухи о русско-германских переговорах, требующие тщательной проверки. Так, А. В. Игнатъев утверждает, что царское правительство, подстегиваемое быстрым нарастанием революции и знавшее об угрозе дворцового переворота, неоднократно предпринимало шаги к сепаратному миру. Русско-германские переговоры якобы велись в нескольких местах и по разным каналам. В подтверждение он ссылается в первую очередь на встречу в Стокгольме А. Д. Протопопова с германским банкиром Фрицем Варбургом⁷⁷. Весной 1916 г. русская парламентская делегация во главе с товарищем председателя Государственной думы А. Д. Протоповым посетила Англию, Францию и Италию. На родину члены делегации возвращались как частные лица, разбившись на отдельные группы. В Стокгольме и произошло свидание Протопопова с немецким негодьянтом, которому Протопопов, как видно из его сообщения, постарался придать характер крупного дипломатического события, вызванного желанием Германии осведомиться о возможности прекращения войны. Инициатива свидания исходила, по словам Протопопова, от германского посланника, который, однако, в последнюю минуту сам не явился, а прислал старшего советника посольства Варбурга, сославшись на нездоровье. Протопопов, с своей стороны, руководствовался желанием воспользоваться этим случаем, чтобы выведать, каково настоящее положение и настроение Германии, что ему в значительной мере и удалось. Действовал он якобы с ведома и даже по просьбе русского посланника при шведском дворе А. В. Неклюдова⁷⁸. Таким образом, Протопопов в интересах личной карьеры хотел разыграть роль блестящего дипломата и патриота.

Сперва ни дипломатические, ни думские круги не придавали стокгольмской встрече особого значения. После частного совещания членов Государственной думы, на котором Протопопов информировал о своей беседе с Варбургом, М. В. Родзянко счел нужным в письме А. А. Бубликову, опубликованному 4 августа в петроградских и московских газетах, удостоверить строгую лояльность своего товарища⁷⁹. Еще до возвращения Протопопова из-за границы Родзянко предлагал царю назначить его министром торговли и промышленности вместо кн. В. Н. Шаховского⁸⁰. Но Протопопов, который очень понравился царю, был назначен 16 сентября 1916 г. на важнейший пост в правительстве — управляющим министерства внутренних дел. К этому времени его стокгольмское свидание «еще не обросло легендами, репутации германофила он еще отнюдь не имел»⁸¹. Не удивительно, что некоторые деятели «прогрессивного» блока расценивали назначение Протопопова как «колоссальную победу общественности». «После министра-октябриста не так уже будет страшен министр-кадет»⁸², — заявил А. И. Коновалов. Благоприятные отклики вызвало назначение Протопопова и за границей. Орган французской биржи «Temps» писал: «А. Д. Протопопов оставил о себе наилучшие воспоминания в Париже в качестве главы русской парламентской делегации»⁸³. Э. Грей отзывался о Протопове

⁷⁶ Там же, стр. 184—185.

⁷⁷ См. А. В. Игнатъев. Русско-английские отношения накануне Октябрьской революции (февраль — октябрь 1917 г.). М. 1966, стр. 40, 42, 48, 120.

⁷⁸ ЦГАОР СССР, ф. 1867, д. 552, лл. 17—18.

⁷⁹ «Речь», 4.VIII.1916.

⁸⁰ «Переписка Н. и А. Романовых». Т. IV. М.-Л. 1926, стр. 342.

⁸¹ А. Амфитеатров. Этюды. «Русская воля», № 1, 15 (28) декабря 1916 года.

⁸² «Буржуазия накануне Февральской революции», стр. 141.

⁸³ «Утро России», 21.IX.1916.

как о человеке отменных качеств⁸⁴. Итальянская «Tribuna» заявляла, что «назначение нового министра дает союзникам наилучшую гарантию дальнейшего направления внешней политики России»⁸⁵.

Но провал продовольственной программы Протопопова (отмена твердых цен, запрещение вывоза, реквизиций и т. п. стеснений частной инициативы), а главное — его явное бессилие остановить надвигавшийся революционный ураган вызвали в буржуазных кругах разочарование. Повредили Протопопову также слухи об участии Распутина в его назначении, приближение к себе «генерала от провокации» Курлова, освобождение В. А. Сухомлинова, организация «банковской» газеты, преследование печати и общественных организаций. В буржуазной прессе началась травля Протопопова как «перебежчика» и «германофила», холопа реакции, провоцирующего народные «беспорядки».

28 ноября 1916 г. в петроградских газетах появилось письмо Протопопова, в котором он заявлял, что беседа с Варбургом произошла с ведома и по просьбе А. В. Неклюдова. На следующий день Милюков в газете «Речь», ссылаясь на разговор с Неклюдовым, опроверг это утверждение. В результате в союзных странах создалось впечатление, что либо один из виднейших членов русского правительства публично и печатно утверждает вещи, заведомо не соответствующие истине, либо один из дипломатических представителей России за границей устраивает свидания русских общественных деятелей с дипломатами вражеских стран. Член Государственного совета граф Д. А. Олсуфьев, участвовавший в беседе с Варбургом, прочтя запись сообщения об этом свидании Протопопова, назвал ее «сплошной хлестаковщиной»⁸⁶. 19 января 1917 г. Олсуфьев опубликовал в газетах письмо, в котором подчеркивал, что инициатива беседы с Варбургом принадлежала ему и что первоначально участие Протопопова в свидании не предполагалось. Это совпадает с опубликованным в 1962 г. официальным отчетом самого Варбурга, из которого явствует, что М. С. Гуревич и Л. С. Поляк, договорившиеся с ним о встрече, не упомянули об участии в предстоящей беседе Протопопова⁸⁷. Прежде чем опубликовать свое изложение стокгольмской беседы с немцем, Олсуфьев дал его прочесть одному из организаторов свидания, Л. С. Поляку, в номере гостиницы которого оно и состоялось. Поляк подтвердил правильность записи Олсуфьева, добавив, что «вся беседа между Варбургом и Протопоповым отнюдь не была беседой о мире или условиях такового, а скорее о внутреннем положении Германии и о настроениях немцев»⁸⁸. Так обстояло дело с пресловутой стокгольмской беседой, которая в литературе часто изображается как начало русско-германских переговоров о мире.

Сторонники концепции о «двух заговорах» указывают, что союзники подозревали царя в подготовке сепаратного мира и поэтому — толкали лидеров «прогрессивного» блока на путь дворцового переворота⁸⁹. Между тем английский и французский послы доносили своим правительствам, что Николай II и Александр Федоровна никогда не пойдут на сепаратный мир с Германией. В январе — феврале 1917 г. М. Палеолог сообщал в Париж, что единственно, в чем царь солидарен с либеральной оппозицией, — это отношение к войне, а Бьюкенен в это же время сообщал в Лондон: «Единственный пункт, в котором мы можем рассчитывать, что царь останется тверд, это вопрос о вой-

⁸⁴ «Русская воля», № 1, 15 (28), декабря 1916 года.

⁸⁵ «Утро России», 21. IX. 1916.

⁸⁶ ЦГАОР СССР, ф. 1467, д. 552, л. 73.

⁸⁷ «L'Allemagne et les problèmes de la paix pendant la première Guerre mondiale. Documents extraits des archives de l'Offis allemand des Affaires étrangères». P. 1962, p. 392.

⁸⁸ ЦГАОР СССР, ф. 1467, д. 552, л. 80.

⁸⁹ И. И. Минн. Указ. соч., стр. 461—462.

не, тем более что государыня, фактически управляющая Россией, сама непоколебима в решении продолжать войну во что бы то ни стало»⁹⁰. Из сказанного можно сделать вывод, что инициатива переговоров о сепаратном мире исходила во всех случаях от Германии или Австро-Венгрии, а реакция русского правительства была неизменно отрицательной.

Такой вывод как будто расходится с так называемой «предсмертной запиской» Протопопова, составленной в августе 1918 г. и напечатанной в 1926 г. за границей, но почему-то не замеченной советскими историками. В ней говорилось, что «экономические затруднения» заставляли Протопопова с июля 1916 г. «неоднократно говорить о желательности прекращения войны». Журналист П. Я. Рысс, сообщивший и комментировавший «записку», сделал следующее примечание: «По мысли А. Д. Протопопова, Россия должна была известить союзников за несколько месяцев вперед, что, будучи не в силах вести войну, в назначенное время правительство прекращает эту войну... В случае если бы союзники отказались от ведения переговоров, Россия все же в указанный срок выходила из войны, заключив мир с Германией. В этом случае Россия превращалась в нейтральную страну»⁹¹. Свой план окончания войны Протопопов в декабре 1916 г. доложил царю и получил якобы его одобрение. Заметим прежде всего, что Протопопов не может нести ответственность за рассказ автора предисловия к «записке», воспроизводивший беседу почти через восемь лет. Никаких доказательств реального существования подобного плана и притом одобренного царем пока не найдено. Но если Рысс даже вполне правильно и точно изложил то, что говорил Протопопов в августе 1918 г., это далеко еще не значит, что так действительно думал Протопопов на исходе 1916 года. В те дни, когда составлялась «записка», в буржуазно-помещичьих кругах была весьма популярной мысль о том, что своевременный выход из войны был бы единственным спасением от большевистской революции. Поэтому к рассказу Протопопова надо отнестись с сугубой осторожностью: в нем отразились настроения 1918 года. Вдвойне невероятно, чтобы Николай II мог одобрить подобный план выхода из войны. Ведь в декабре в ответ на германскую мирную ноту он издал приказ по армии и флоту, в котором подчеркивалось, что время для достижения мира еще не наступило, так как «обладание Царьградом и проливами, равно как создание свободной Польши из всех трех ее, ныне разрозненных, областей еще не обеспечено»⁹².

Почему же царизм не пошел на сепаратные переговоры о мире? С. П. Мельгунов, пытаясь реабилитировать последних Романовых перед судом истории, утверждает, что царь и царица видели в сепаратном мире «национальный позор», они органически не могли нарушить «рыцарскую верность» своим союзникам⁹³. Конечно, советские историки не могут удовлетвориться таким идеалистическим объяснением. Позиция царской четы диктовалась инстинктом самосохранения. В победоносном окончании войны они видели единственный шанс предотвратить гибель царизма.

Один из главных обоснователей тезиса о «заговоре царизма», В. П. Семенников, явно противореча самому себе, называет следующие три причины, помешавшие правящим кругам России сделать решительный шаг к заключению мира: первая — это то, что романовская власть, естественно, боялась пойти на разрыв с англо-французским капиталом; вторая (и может быть, для Романовых особенно значительная) связана с их убеждением, что заключение сепаратного мира вызовет революцию со стороны той самой либеральной империалистической буржуазии, ко-

⁹⁰ Д. Бьюкенен. Моя миссия в России. Т. 2. Берлин. 1929, стр. 42.

⁹¹ «Голос минувшего на чужой стороне». Париж. 1926, № 2. XV, стр. 169, 174.

⁹² «Русские ведомости», 15.XII.1916.

⁹³ С. П. Мельгунов. Легенда о сепаратном мире (канун революции). Париж. 1957, стр. 494—495.

торая, обслуживая англо-французский капитал, настаивала на войне «до победного конца»; и, наконец, третья причина (видимо, зависела уже от немцев) заключалась в том, что стоявшая у власти в Германии милитаристическая группа не хотела идти на такие условия мира, которые могли бы удовлетворить царизм, и, в частности, была против разрешения вопроса о проливах и Константинополе в желательном для России духе⁹⁴. Такого же мнения придерживается В. С. Дякин⁹⁵.

Нам думается, что царизм не решался на заключение сепаратного мира в первую очередь из-за опасения, что это явится сигналом к народной революции. Еще 14 июня 1915 г. Александра Федоровна писала Николаю II, что она сказала великому князю Павлу, что «ты и не помышляешь о мире, и знаешь, что это вызвало бы революцию у нас»⁹⁶. «Мир без победы — это немедленная революция», — заявил предпоследний премьер-министр А. Ф. Трепов⁹⁷. Больше того, правящие круги не исключали взрыва народных волнений даже при успешном завершении войны. На допросе в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства Протопопов говорил: «Думая о предстоящей после войны демобилизации, я предполагал, что ее надо будет проводить медленно и постепенно, чтобы не скопился сразу в деревнях и городах недовольный элемент и не произошли бы беспорядки, как в 1905 году». Протопопов хотел повсеместно в уездах свести в отряды полицейских стражников и достать для них пулеметы⁹⁸. Вместе с тем в придворных кругах была высказана мысль об осуществлении миллиардного внутреннего займа для постройки железных дорог. Царица рассчитывала, что «заем будет покрыт почти сразу, так как банкиры и купцы страшно разбогатевшие теперь, сразу же дадут крупные суммы, ведь они понимают выгоду. Таким образом, найдется работа для наших запасных, когда они вернутся с войны, и это задержит их возвращение в свои деревни, где скоро начнется недовольство — надо предупредить истории и волнения...»⁹⁹. Ожидания Александры Федоровны оправдались: составление министерством путей сообщения плана железнодорожного строительства, предпринятое тотчас же после того, как царица занялась этим вопросом, вызвало множество соображений и проектов в буржуазных кругах и в Совете съездов представителей промышленности и торговли¹⁰⁰.

Из всего сказанного следует, что царизм и буржуазия бились в постоянных противоречиях и, взаимно отталкиваясь, не могли обходиться друг без друга. И это было вполне закономерно, ибо пролетариат своей героической борьбой в 1905 г., по определению Ленина, «раз навсегда сделал невозможным управление Россией без представительных учреждений»¹⁰¹, а крестьянство, утратившее монархические иллюзии, не могло быть опорой полуфеодального царизма. В этих условиях самодержавие не могло удержать власть без поддержки буржуазии. Вот почему правящие круги так и не решились разогнать Государственную думу и изменить основные законы, а «прогрессивный» блок — осуществить дворцовый переворот. Вторая русская революция, разрушив основы царского режима, упразднила и третьеиюньскую Государственную думу.

⁹⁴ В. П. Семенников. Политика Романовых накануне революции. От Антанты — к Германии. М.-Л. 1926, стр. 186.

⁹⁵ В. С. Дякин. Указ. соч., стр. 286.

⁹⁶ «Переписка Н. и А. Романовых». Т. III. М.-Пгтр. 1923, стр. 211.

⁹⁷ М. Палеолог. Царская Россия накануне революции. М.-Пгтр. 1923, стр. 220.

⁹⁸ «Падение царского режима». Т. IV, стр. 84—85.

⁹⁹ «Переписка Н. и А. Романовых». Т. IV, стр. 222.

¹⁰⁰ См. Р. Ш. Ганелин. Царизм, буржуазия и американский капитал. «Исторические записки», 1968, т. 81, стр. 141—142.

¹⁰¹ В. И. Ленин. ПСС. Т. 19, стр. 416.